

Два Асклепия

Пархомов Дмитрий
Александрович

18+

Дмитрий Пархомов

Два Асклепия

«Автор»

2026

Пархомов Д. А.

Два Асклепия / Д. А. Пархомов — «Автор», 2026

Что общего между детским реаниматологом и ветеринарным хирургом? Каждый день они сталкиваются с худшими проявлениями человеческой природы, исправляя чужую жестокость. «Два Асклепия» — это пронзительный взгляд на изнанку медицины, где спасение ребенка или покалеченной собаки становится единственным способом сохранить собственную человечность.

© Пархомов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Скорая на улице 9 Января	5
Праздник	14
Кость в горле	16
Ненужный свидетель	18
Три операции	21
Маленький старик	24
Жировой парик эпохи барокко	26
Зажатый нерв	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Пархомов

Два Асклепия

Скорая на улице 9 Января

Девятое января — это была улица, широкая, но старая, с разбитым асфальтом, который давно уже никто не чинил. В ноябре она особенно не любила людей.

Густая холодная взвесь висела в воздухе, липла к лицу, таяла за воротником и текла ледяными струйками по спине. Фонари горели тускло, будто им самим было противно светить.

Детская скорая ползла по Девятого января, как старая побитая собака, которую давно перестали ждать. УАЗик тяжело переваливался на колдобинах, подвеска стонала ржавыми суставами. Дворники размазывали по стеклу серую кашу, и мир за лобовым стеклом превращался в размытое, безнадёжное пятно.

За рулём сидел Сергей Юрьевич Скороход. Сорок два года. Двадцать из них — на детской скорой. Глаза красные, мешки под глазами, мокрые руки крепко вцепились в баранку, словно держали чью-то жизнь, хотя так и было.

— Девятое января... — тихо выдохнул он. — Как же я люблю это место.

Сзади молчала бригада. Ольга Викторовна Рофман — лицо застывшее, будто выточенное из усталости и безнадёжности. Рядом Никита Алексеевич Гриднев, ещё не до конца сломленный и уставший, но уже чувствующий, как сырость просачивается под кожу.

Вызов пришёл тяжёлый. Пять лет. Высокая температура, судороги, дыхание поверхностное. Полуподвал на Девятого января. Мать в трубку почти не говорила — только часто и страшно дышала.

Машина свернула с Московского в сторону старых пятиэтажек. Дома стояли плотно, как гнилые зубы. Под колёсами хлюпала жижа. В лужах плавали окурки и чьи-то давно потерянные детские варежки.

Ольга Викторовна смотрела в боковое стекло. За ним плыла тьма. В голове мелькнуло лицо собственного сына. Прошлый ноябрь. Такая же температура. Она тогда тоже ехала. Только не как врач.

— Скользко, Серёга, — тихо сказал Гриднев.

— Знаю, — ответил Сергей. — Как всегда.

Они проехали заброшенную площадку. Качели висели неподвижно, покрытые снегом. Капли стучали по железу — медленно, упрямо, будто отсчитывали последние удары маленького сердца.

Наконец — нужный дом. Пятиэтажка. Первый подъезд. Дверь в полуподвал приоткрыта. Из щели валил тёплый пар, смешанный с сыростью и страхом.

Они вытащили носилки. Колёса сразу утонули в грязи.

Лестница узкая, скользкая. Ольга Викторовна шла первой. Чемоданчик тянул руку вниз, как грех. В квартире пахло лекарствами, потом и тем особым запахом материнского ужаса.

На старом диване лежал мальчик. Пять лет. Лицо белое. Губы сизые. Тело мелко дрожало в судорогах. Дыхание — редкое, хриплое, будто каждый вдох приходилось вырывать силой.

Ольга Викторовна опустила на колени прямо в мокрых ботинках. Руки работали сами: термометр, давление, стетоскоп. Гриднев уже готовил диазепам и кислород.

— Гипертермия. Судорожный синдром на фоне высокой температуры, — тихо сказала она. — Сбиваем судороги диазепамом, охлаждаем физически. Кислород давай.

Гриднев кивнул и быстро набрал в шприц 0,5% раствор диазепама — расчёт по весу, не больше двух миллилитров за раз. Ольга Викторовна ввела препарат медленно, в вену, которую

удалось поймать с первого раза. Параллельно они приложили холод к паховым и подмышечным областям, сняли лишнюю одежду с ребёнка.

За маленьким окном под потолком стучал дождь. Он бил в стекло, будто хотел ворваться и забрать последнее тепло.

Мальчик на секунду открыл глаза. Взгляд тяжёлый, древний, не детский. Ольга Викторовна поймала его — и почувствовала, как внутри что-то тихо, беззвучно рвётся. Та последняя тонкая нитка, на которой ещё держалась надежда.

— Держись, маленький, — прошептала она. — Мы здесь.

Когда выносили носилки обратно, дождь хлестал по лицам. В салоне запахло сырой одеждой, медикаментами и едва слышным, поверхностным дыханием ребёнка под маской.

Пока Ольга Викторовна и Гриднев оставались внутри, Сергей вышел на улицу. Дверь УАЗа осталась приоткрытой. Он встал у переднего крыла, сунул в рот сигарету и щёлкнул зажигалкой. Пламя на миг высветило усталое, небритое лицо, потом утонуло в темноте.

Дождь сыпался мелко и липко. Мокрые хлопья таяли на горячей сигарете с тихим шипением. Сергей глубоко затянулся, выпустил дым, который сразу растворился в холодной взвеси.

Он стоял и смотрел через дорогу.

Напротив, ярко светилась ветеринарная клиника. Белые буквы «ВЕТКЛИНИКА» горели ровно, ниже краснела табличка «МЫ ОТКРЫЛИСЬ». Широкая лестница с белыми перилами спускалась к тротуару, через всю неё тянулся белый баннер. Разноцветный логотип на козырьке светился весело и чуждо.

Вдруг дверь клиники резко распахнулась.

Из неё почти бегом выскочили двое здоровых парней в серых толстовках с капюшонами. В руках — тяжёлые чёрные сумки с медицинским оборудованием, светоотражающие полосы блестели под фонарями. Парни быстро сбежали по лестнице. Один на ходу нажал брелок. Через дорогу мигнули фары.

У тротуара стоял тёмный Seat Leon. Парни бросили сумки в багажник, сели и почти сразу тронулись. Машина мягко набрала скорость и исчезла за поворотом, разбрызгивая грязную жижу.

Сергей проводил её взглядом, медленно затягиваясь.

«Коллеги», — горько усмехнулось внутри. Тоже спасают жизни. Только их пациенты не зовут маму, когда температура под сорок. Их пациенты лают, мяукают и иногда кусаются. А эти двое выбегают из тёплой клиники, садятся в хороший автомобиль и едут дальше — быстро, чисто, без лишних слов.

Он перевёл взгляд левее. Старые кирпичные дома, построенные пленными немцами, стояли тяжёлые, потемневшие от влаги. Окна почти не светились. Рядом с ветклиникой, в той же высотке, тянулся ряд мелких вывесок: парикмахерские, зубной кабинет с белой улыбкой на стекле, салон маникюра. Все они светились, но казались сейчас особенно чужими.

Чуть дальше темнел микрорайонный торговый центр и несколько киосков. Один ещё работал — тусклая лампочка освещала окошко с шаурмой. Редкие машины проезжали, разбрызгивая воду.

Сергей бросил окурок в лужу. Тот зашипел и погас.

Из подъезда слышались голоса. Выносили носилки.

Он быстро открыл задние двери УАЗа и молча помог затащить их внутрь.

Носилки уже стояли в салоне. Двери УАЗа захлопнулись с тяжёлым металлическим лязгом. Ольга Викторовна сидела рядом с мальчиком, одной рукой прижимая кислородную маску, другой держа только что введённый шприц. Лицо её было бледным и застывшим.

Она постучала в перегородку и сказала тихо, но так, что голос пробился сквозь шум дождя:

— Серёга. Гони как можно скорее. Всё зависит от тебя.

Сергей обернулся. Их взгляды встретились на секунду. В её глазах не было паники — только тяжёлая, выработанная годами решимость.

Мальчик лежал неподвижно. Маленькая грудь едва поднималась под одеялом. Лицо — белое, как снег за окном. Пять лет, которые сейчас могли оборваться на заднем сиденье старого УАЗа.

Сергей кивнул молча. Повернулся вперёд, положил руки на баранку и включил сирену.

Высокий надрывный вой разрезал ночь. В этом звуке смешалось всё: усталость водителя, страх матери в полуподвале, молчание старых немецких домов и яркая равнодушная вывеска ветклиники напротив.

УАЗик рванул с места. Колёса пробуксовали в грязи, потом вцепились в асфальт. Дождь хлестал по лобовому стеклу, дворники едва успевали разгонять серую кашу. Фары резали тьму жёлтыми лучами, но свет тонул в пелене.

Сергей вёл жёстко и точно. Он знал каждую колдобину и каждую лужу. Руки лежали спокойно, а внутри всё сжималось тугим узлом. Слова Ольги Викторовны стучали в голове громче сирены.

Он видел, как в свете фар мелькают старые кирпичные дома. На миг снова вспыхнула вывеска с ветклиникой — белые буквы «ВЕТКЛИНИКА» и разноцветный логотип. Ещё секунда — и всё осталось позади.

Сзади Ольга Викторовна тихо и ровно говорила с мальчиком, хотя он вряд ли слышал: — Держись, маленький... Мы уже едем...

Гриднев молча менял капельницу. Пальцы у него слегка дрожали.

Сергей сильнее нажал на газ. УАЗик взревел, пробивая непогоду. Сирена была не переставая — отчаянный крик в пустоту города, который давно привык к таким звукам. УАЗик вырвался из тесноты старых кварталов и теперь мчался по широкой части Девятого января. Две-три полосы в каждую сторону позволяли разогнаться, но асфальт превратился в скользкую жижу.

Сергей вёл жёстко и точно. На перекрёстке он не стал ждать — резко вывернул руль, на долю секунды дёрнув ручник и вышел на встречную. Фары встречных машин вспыхивали в лобовом стекле белыми размытыми пятнами.

И они уступали.

Тёмный кроссовер плавно прижался вправо. Старый седан нервно мигнул аварийкой и отъехал к бордюру. Автобус тяжело качнулся и пропустил скорую с низким вздохом тормозов. Машины расходились, освобождая полосу.

Сергей смотрел вперёд не мигая. Руки на баранке лежали твёрдо, а внутри всё сжималось тугим узлом. Слова Ольги Викторовны продолжали стучать в голове громче сирены.

И тут впереди появился он.

Чёрный внедорожник с тонированными стёклами полз прямо по встречной, нагло занимая почти весь ряд. Водитель будто не слышал ни сирены, ни мигалок.

Сергей вдавил клаксон. Длинный злой гудок разнёсся над улицей. Внедорожник даже не дрогнул.

— Давай, родной... — процедил Сергей сквозь зубы.

Сзади Ольга Викторовна подняла голову:

— Серёга...

— Вижу, — коротко ответил он и нажал на клаксон снова.

Расстояние быстро сокращалось. Сергей уже начал притормаживать, когда сзади и сбоку началось движение.

Тот же кроссовер вырвался вперёд и настойчиво замигал дальним светом. К нему присоединился старый седан. Автобус тяжело перестроился и встал сбоку, перекрывая путь.

Гудки слились в злой хор.

Из тёмного Seat Leon, стоявшего в соседнем ряду, вывалился один из тех двоих, что недавно выбегали из ветклиники. Тот же серый капюшон, та же тяжёлая фигура. Он крикнул что-то короткое и злое. Второй уже шёл пешком — прямо к чёрному внедорожнику, широко и тяжело, не обращая внимания на дождь.

Внедорожник огрызнулся гудком, но дрогнул. Водитель понял, что сейчас его просто выдают с полосы. Резко вывернув руль вправо, он почти чиркнул по разделителю и уступил дорогу.

УАЗик пролетел мимо, обдав чёрный внедорожник грязной волной из-под колёс.

Сергей выдохнул сквозь стиснутые зубы. В зеркале он ещё секунду видел, как другие машины продолжают теснить чёрный внедорожник. Среди них мелькали две крупные фигуры в серых толстовках — те самые парни из ветклиники. Один из них стоял посреди дороги, второй уже шёл обратно к своему Seat Leon.

Сергей ничего не сказал. Только крепче вцепился в баранку и молча выдохнул сквозь зубы.

Теперь они уже мчались по Московскому проспекту. Впереди сквозь пелену начали проступать огни.

На кольцевой развязке прямо посреди круга стояла огромная пирамида из красного стекла и пластика. Красные грани блестели под фарами, будто покрытые свежей кровью. Белые буквы холодно светились: «ВОРОНЕЖ — ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ».

Сбоку от дороги, на братской могиле, тёмным силуэтом стоял гранитный Памятник Славы. Тёмные венки и цветы прижаты к холодному камню. Вечный огонь едва теплился — слабое красноватое мерцание.

Сергей на миг поймал взглядом оба силуэта. Тысячи погибших тогда — и один пятилетний мальчик сейчас.

Он сильнее нажал на газ. УАЗик обогнул круг и полетел дальше, оставив пирамиду и гранитный мемориал за спиной.

Сзади Ольга Викторовна снова склонилась над ребёнком, проверяя пульс. Гриднев молча держал капельницу, лицо напряжённое и мокрое от пота.

УАЗик медленно подкатил к пандусу приёмного отделения. Яркий свет больничных фонарей резал глаза сквозь мокрое лобовое стекло. Сергей выключил сирену. Тишина ударила резко, как пощёчина.

Из салона раздался тихий стук в перегородку — три коротких удара.

Сергей обернулся. Через маленькое окошко он увидел лицо Ольги Викторовны. Она смотрела вниз, на носилки. Губы плотно сжаты, глаза — пустые, как окна заброшенного дома.

Он заглушил двигатель. Теперь был слышен только дождь — монотонно шуршал по крыше, стекал по стёклам.

Ольга Викторовна подняла голову. Их взгляды встретились.

— Серёга... — голос тихий, почти шёпот. — Дальше не надо спешить.

Сергей почувствовал, как внутри тяжело опускается что-то холодное. Будто в живот упал камень и остался лежать там, не давая дышать.

Он не спросил. Просто смотрел.

Ольга Викторовна чуть повернула голову. Гриднев стоял рядом, опустив руки, и смотрел в пол. Его молодое лицо вдруг сделалось старым.

Мальчик лежал неподвижно. Кислородная маска всё ещё закрывала лицо, но маленькая грудь под одеялом больше не поднималась. Одна рука чуть свисала с края носилок. Пальцы — белые, безвольные, будто из воска. Губы — сизые, почти чёрные. Кожа уже потеряла всякий живой оттенок.

Сергей не мог отвести взгляд от этих пальцев. Пять лет. Совсем недавно они, наверное, сжимали ложку с кашей или пластмассовую машинку. Теперь они просто висели в воздухе — безжизненные, лёгкие, чужие.

В голове всплыло лицо матери из полуподвала — огромные сухие глаза и мокрое полотенце, прижатое к груди. «Скорее... он весь горит...»

Сергей сжал баранку так, что костяшки побелели. Он уже видел, как зайдёт в приёмное отделение и скажет дежурному врачу: «Мы привезли... но уже не надо». Как потом будет набирать номер диспетчера. Как мать будет ждать звонка, а он замолчит после первого «здравствуйте».

Дождь стучал по крыше. Капли медленно ползли по стеклу, размывая яркие огни больницы в длинные, дрожащие полосы.

Ольга Викторовна тихо выдохнула:

— Сердце остановилось. Прямо на ходу.

Сергей кивнул один раз. Медленно. Шея стала чугуновой.

Он смотрел на красный крест над входом, на пандус, на две пустые каталки, уже готовые к приёму. Всё светилось, жило, работало. А внутри машины лежал маленький человек, которого уже не спасти.

В груди поднималась тяжёлая горячая волна. Хотелось просто положить голову на руль и не вставать никогда.

Сергей открыл дверь. Холодный воздух с дождём и снегом ударил в лицо. Он вышел, не чувствуя ног. Постоял секунду под дождём, глядя на яркие окна больницы, и тихо, почти беззвучно сказал сам себе:

— Всё... доехали.

Двери салона открылись. Ольга Викторовна и Гриднев вышли следом. Двигались медленно, будто каждый шаг отнимал последние силы.

Они стояли под навесом приёмного отделения уже минут десять. Дождь тихо шуршал по козырьку. Холодный воздух пах мокрым бетоном и больничной дезинфекцией.

Сергей курил третью сигарету подряд. Дым горчил во рту, но он затягивался глубоко, будто хотел выжечь изнутри то, что никак не уходило. Окурочек мелко дрожал в пальцах.

Рядом Ольга Викторовна молча заполняла бумаги на планшете. Руки двигались медленно, механически. Гриднев стоял чуть в стороне, прислонившись спиной к стене, и не моргал, глядя в одну точку на асфальте.

Из дверей вышел дежурный реаниматолог — молодой парень в синем халате. Коротко кивнул бригаде и посмотрел на Сергея.

— Оформили. Можете ехать. Тело заберут позже.

Сергей молча кивнул и бросил окурочек в лужу. Тот зашипел и погас.

В голове билось коротко и глухо, как старый маятник: не успели. Не успели. Не успели.

Он вспомнил, как мальчик на секунду открыл глаза в той квартире. Как посмотрел — не по-детски, тяжело, будто уже всё знал. Как потом, уже в машине, его дыхание становилось всё тише, короче... и исчезло.

Сергей сел за руль. Двигатель завёлся с привычным рыком. Ольга Викторовна и Гриднев молча заняли свои места. Двери закрылись. Салон теперь казался пустым и холодным.

УАЗик медленно отъехал от пандуса. Сирену не включали. Не было смысла.

Они ехали обратно по Московскому проспекту. Впереди снова появилась красная пирамида — красные грани блестели под фарами, будто покрытые кровью. Сбоку тёмным силуэтом стоял гранитный Памятник Славы.

Сергей посмотрел на красную пирамиду и гранитный мемориал. Что-то сухое и жёсткое встало в горле, не давая ни вдохнуть, ни сглотнуть.

«Тысячи взрослых мужиков легли здесь когда-то, — подумал он. — А мы одного пятилетнего не довезли».

Мимо проплывали огни: вывески парикмахерских, киоски, высотки. Где-то там, в одном из домов, сидела мать. Сергей ясно представил, как она ходит по комнате, прислушиваясь к каждому звуку на улице. Как смотрит на телефон и ждёт звонка. Как потом услышит его голос и всё поймёт по тишине после первого «здравствуйте».

Пальцы на баранке мелко подрагивали. Он крепче стиснул их, но дрожь не уходила — будто сама кожа помнила всё, что не смогла удержать.

Он вспомнил, как много лет назад сам вёз своего сына в эту же больницу с высокой температурой. Тогда всё обошлось. Сегодня — нет.

Ольга Викторовна тихо сказала сзади:

— Сейчас опять выезд. Опять кто-то будет ждать.

Сергей не ответил.

Он просто вёл машину по асфальту, глядя на дорогу сквозь разводы на стекле. В кармане куртки уже вибрировал телефон — новый вызов. Диспетчер не давал даже вернуться на базу.

Ноябрьская Марта

Ноябрь в Воронеже выдался особенно мерзким — мокрый снег с дождём, тяжёлый и липкий, будто город решил вывалить на людей всю свою накопленную за год тоску. Дворники на тёмно-сером Seat Leon с тонировкой едва успевали размазывать серую кашу по лобовому стеклу.

В машине сидели трое.

За рулём спокойно курил Илия Живодёрия. На заднем сиденье нервно теребил край куртки Алексей Коноваленко. Рядом с Илиёй, на пассажирском, развалился Максим — главный врач клиники «Коржающий Корги».

Телефон завибрировал. Максим взял трубку и включил громкую связь.

— Ветклиника? — женский голос звучал испуганно и устало. — Собака после смерти хозяйки совсем взбесилась. Лает, кидается на всех, ничего не ест. Приезжайте, усыпите её, пожалуйста... Мы в квартире рядом с Галереей Чижова.

Максим ответил спокойно, но жёстко:

— Усыпление на выезде — тридцать тысяч. Выезжаем?

— Да... мы согласны. Только быстрее, ради бога.

Он отключил звонок и посмотрел в окно, где проплывали мокрые пятиэтажки.

— От горя «взбесилась», — проворчал он. — Хозяйка померла, а собака наконец-то поняла, что больше никому не нужна.

С заднего сиденья раздался напряжённый голос Алексея:

— А если её как-то ещё можно вылечить?..

Максим даже не повернулся:

— Лёша, если мы начнём жалеть каждую собаку, которая «тоскует», то скоро нам самим понадобится психотерапевт. И желательно групповой.

Илия тихо хмыкнул, выпуская дым в приоткрытое окно:

— Тридцать тысяч за то, чтобы не мучиться. В ноябре это почти благотворительность.

Алексей вздохнул, голос у него слегка дрожал:

— Просто иногда мне кажется, что мы слишком быстро сдаёмся...

Максим наконец повернулся и посмотрел на младшего брата тяжёлым взглядом:

— Если ты и дальше будешь жевать эти сопли на каждом выезде, лучше иди лечить людей. Там можно красиво сказать «мы сделали всё возможное» и уйти с чистой совестью. А здесь даже если сделаешь всё возможное — тебя самого потом усыплять придётся. Я всегда

делаю максимум. Всё, что можно. И всё равно те, кто пальцем не пошевелил, будут орать, что мы монстры. Я раньше тоже был таким, как ты. Прошло.

Илия мягко вставил с лёгким грузинским акцентом:

— Вай мэ, Максим, не дави на парня. Он ещё молодой. Пусть понервничает немного. Это для иммунитета полезно.

Машина свернула с Московского проспекта в сторону старых кварталов рядом с Галереей Чижова. Впереди уже показался нужный дом.

В салоне пахло мокрой одеждой, сигаретным дымом и тем особым тяжёлым напряжением, которое всегда появлялось перед сложным выездом.

Они поднялись по вонючей от мочи лестнице на третий этаж. Дверь квартиры была приоткрыта. Изнутри тянуло тяжёлым, сладковато-гнилым запахом.

Максим первым вошёл внутрь с тяжёлой сумкой. За ним — Илия и Алексей.

На полу коридора, прямо на старом линолеуме, лежала мёртвая старушка в одних трусах и лифчике. Кожа серая, ноги в трупных пятнах, рот приоткрыт. Рядом — пустая бутылка из-под кефира и перевернутая табуретка.

Из комнаты раздался женский голос:

— Заходите, не стесняйтесь. Труп вас не касается. Полиция уже едет. Идите к собаке.

Максим перешагнул через тело, даже не замедлив шаг. Илия аккуратно переступил. Алексей на секунду замер, побледнев, но всё-таки прошёл дальше.

В комнате на диване сидела крупная овчарка. Глаза красные, шерсть свалявшаяся. Она тихо скулила, но не бросалась.

Рядом стояли сын и дочь покойной — оба в дорогих куртках.

— Вот она, — кивнул сын. — Делайте что нужно и уезжайте. Нам ещё есть чем заняться, кроме как возиться с этой шафкой.

Максим присел возле собаки, быстро осмотрел её и поднялся.

— Тридцать тысяч. Наличкой или по карте. Сейчас. Приступим только после того, как унесут тело. Мы полиции под ногами мешать не собираемся.

— Хорошо, вот наличные.

Пока Илия убирал стетоскоп, Алексей стоял в стороне, заметно бледный, сжимая кулаки.

Через десять минут они вышли из квартиры. На лестничной площадке уже разгорался скандал — дети громко делили наследство, перекрикивая друг друга. Слово «мама» никто так и не произнёс.

Они сели в машину и молча доехали до фудкорта Галереи Чижова.

Максим взял ведро острых крылышек и большой кофе. Илия — шаурму и апельсиновый сок. Алексей ничего не взял, только нервно крутил в руках телефон.

Максим откусил крылышко, прожевал и сказал с кривой ухмылкой:

— Деньги взяли. Теперь думаем, что делать с псом. Может, предложим детям кремировать бабушку за дополнительный тариф? Шучу. Почти.

Алексей поднял глаза. Голос у него дрожал сильнее обычного:

— Давай я себе заберу. Она добрая... просто испугалась. Не надо её усыплять.

Максим посмотрел на младшего брата, помолчал секунду и медленно кивнул:

— Первый выезд — и сразу моральная дилемма. С боевым крещением, брат. Только учти: если каждый раз будешь тащить домой всех подряд, скоро у тебя дома будет свой филиал приюта.

Илия тихо засмеялся и протянул Алексею руку:

— Вай мэ, Лёша. Первый раз на выезде — и уже всю человеческую гниль увидел. Но поступил правильно. Дай руку пожму, брат.

Максим откинулся на стуле и добавил, жуя очередное крылышко:

— Бабушка умерла в одиночестве. Вы видели, как дома не ухоженно, какая грязь была? Они не помогали ей, не навещали. Лишь ждали смерти, как падальщики. Жаль её, конечно, но она сама их воспитала. А теперь её родня грызётся из-за квартиры, вместо горя. С таких уродов надо было брать не тридцать, а все пятьдесят. Жаль старушку... Ладно, пофиг. Собаку хотя бы её спасём. Они ещё не успели доесть, когда телефон Максима снова зазвонил. Тот же номер.

— Да?

— Вы далеко уехали? — голос дочери звучал торопливо. — Слушайте... а вы можете сами забрать собаку и кремировать? Мы доплатим. Нам очень не хочется с ней возиться.

Максим посмотрел на братьев и медленно улыбнулся уголком рта.

— Доплатите двадцать тысяч — заберём и кремируем.

— Хорошо, мы согласны.

Максим отключил звонок и кивнул Илие:

— Разворачивайся. Едем обратно.

Через пятнадцать минут они снова стояли в той же квартире. Илия быстро ввёл овчарке наркоз. Собака обмякла за минуту.

— Марта, — тихо сказал Алексей, глядя её по голове. — Будешь Марта.

Они аккуратно положили спящую собаку в большую транспортную сумку, оставив голову свободно дышать. Илия закинул сумку на плечо.

Когда выходили, на лестнице уже стоял полный бедлам. К конфликту подключились другие родственники. Все орали друг на друга. Никто даже не взглянул в сторону ветеринаров.

Они сели в машину. Алексей положил сумку рядом с собой на заднее сиденье и полностью расстегнул молнию. Он положил пальцы Марте на пульс и внимательно следил за дыханием, явно нервничая.

Максим включил радио. По «Максимуму 106.1» гремел Rammstein.

Илия тронулся с места и спокойно спросил с лёгким акцентом:

— Слушай, Макс... а мы вообще правильно делаем?

Максим жевал последнее крылышко и ответил ровно:

— А что не так? Деньги взяли честно. Бабушка была бы рада, что мы спасли единственное живое существо, которое её по-настоящему любило. Дети получили квартиру вместо матери. Собака будет жить. Всем хорошо. Почти всем.

Алексей молчал, не отрывая глаз от Марты. Он думал о том, как можно оставить мать гнить на полу в неглиже, а потом спокойно торговаться за каждую копейку наследства.

Илия покачал головой:

— Всё равно как-то мерзко. Люди как стервятники.

Максим хмыкнул:

— Не «как». Настоящие стервятники. Прилетели, как только запахло свободными метрами. При жизни бабушку не навещали, а тут сразу — делёжка. Красавцы.

Машина выехала на Левый берег. Они довезли Алексея до остановки «Полина Осипенко». Его дом стоял чуть в глубине двора — обычная серая девятиэтажка семидесятых с потемневшими балконами и мокрыми деревьями вокруг.

Алексей осторожно взял сумку с Мартой и кивнул.

Максим посмотрел на него уже без улыбки:

— Давай, Лёха. Если что — сразу звони. Мы назад в клинику.

Илия добавил мягко:

— Удачи, Лёша. Теперь у тебя есть новый друг. И большая ответственность.

Машина тронулась дальше. По радио уже играл Muse.

Алексей задумчиво стоял посреди мокрого двора с тяжёлой сумкой, из которой уже начала мотать головой отходящая от наркоза Марта.

Не успела машина отъехать и двух километров, как телефон Максима снова зазвонил.

— Макс, это по записи, — сказал Илия. — Кто-то везёт шесть щенков корги в клинику. Говорят, всем плохо.

Максим тяжело вздохнул:

— Поехали побыстрей.

Через двадцать минут они уже стояли у входа в клинику. К ним подошёл молодой парень лет двадцати пяти с двумя большими переносками. Из них доносилось жалобное скуление.

Максим быстро взглянул на щенков и тихо сказал Илие:

— Походу парва.

Илия едва заметно кивнул.

Максим повернулся к парню и спокойно, вежливо сказал:

— Добрый вечер. Давайте посмотрим ваших малышей.

Он внимательно осмотрел всех шестерых корги — полуторамесячных, вялых, с характерным запахом и высокой температурой.

— Парвовирус, — сказал Максим ровным голосом. — Классическая картина. Все шесть заражены.

Парень побледнел.

Максим продолжил спокойно и чётко:

— Значит так. Вы завели себе не щенков, а шесть живых тамагочи. Только эти тамагочи умирают, если их не капать каждые два-три часа, особенно после рвоты или поноса. Будете вставать в три ночи, в пять, в семь — и капать. Иначе потеряете всех за двое суток. Поняли?

Парень кивнул, сжимая кулаки.

Пока Максим объяснял схему лечения и подробно рассказывал о заболевании, Илия уже молча раскладывал щенков на двух столах и начинал ставить первые капельницы.

Следующие семь дней превратились в настоящий марафон. Хозяева действительно вставали ночью, приезжали в четыре утра, в семь, в полдень. Капали, кололи, не сдавались.

На восьмой день все шесть щенков были живы. Худые, слабые, но живые.

Когда хозяева в последний раз приехали на контроль, Максим посмотрел на них и сказал уже чуть мягче:

— Молодцы. Редко кто так бьётся за щенков. Теперь записывайтесь на вакцинацию.

Через месяц все шесть корги были вакцинированы и отданы в хорошие руки — проверенным людям. А в клинику принесли огромный торт с корги из крема и надписью «Спасибо!».

Праздник

Двадцать седьмое июня обрушилось на Воронеж тяжёлой, раскалённой тишиной. Асфальт плавился под ногами, воздух дрожал над ним раскалённым маревом, а в элитном посёлке «Долина Нищих» даже пыль, казалось, не смела садиться на белоснежные заборы и аккуратные газоны. Всё вокруг сверкало, будто только что вымытое с шампунем и дорогим воском.

Детская «буханка» медленно ползла между этих идеальных заборов. За рулём сидел Сергей, футболка под мышками была чёрной от пота. Рядом Ольга Викторовна — лицо застывшее, губы сжаты в тонкую злую линию. Сзади Гриднев в очередной раз молча пересчитывал ампулы в сумке.

Вызов пришёл «лёгкий»: ребёнок шести лет, сыпь, затруднённое дыхание. Диспетчер добавила уже тише: «Родители кричат про отёк Квинке».

Машина свернула за поворот. Впереди вырос огромный кремовый особняк. Перед ним — белая шатровая беседка, заваленная золотыми и синими шарами, надувной замок и столы, ломившиеся от еды. Десятки детей в ярких нарядах носились по лужайке. Аниматоры в костюмах Человека-паука и Железного человека весело размахивали руками под громкую музыку.

— Праздник, — тихо процедил Сергей, останавливая машину у ворот. — Самое время, блядь.

Они вышли. На белоснежных ковровых дорожках, заботливо расстеленных от калитки до дома, сразу появились грязные следы их ботинок. Ольга Викторовна даже не посмотрела вниз.

В холле их встретил отец — высокий, загорелый мужчина в дорогой льняной рубашке. Лицо красное, на лбу крупные капли пота.

— Быстрее, пожалуйста! Она в гостинной!

Они прошли сквозь толпу гостей. Женщины в лёгких платьях, мужчины с бокалами виски и просекко. Дети замирали, глядя на «дядю и тётю в мятых зелёных костюмах». Музыка продолжала орать.

В гостинной на белом диване лежала девочка. Лицо превратилось в страшную маску: губы и веки — толстые блестящие валики, кожа покрыта ярко-красными пятнами. Дыхание — тяжёлое, свистящее, с каждым вдохом всё громче.

Рядом на коленях сидела мать — красивая блондинка в белом платье. Макияж размазан, руки дрожали.

— Она всего один кусочек торта съела... Там был арахис, я же предупреждала повара! — голос срывался на визг. — Сделайте что-нибудь! У меня есть телефон лучшего аллерголога из Москвы, он в Инстаграме...

Ольга Викторовна уже опустилась на колени прямо в мокрых ботинках.

— Анафилактический шок. Адреналин внутримышечно, срочно. Гриднев — 0,3. Кислород. Преднизолон в вену.

Гриднев работал быстро и молча. Сергей принёс баллон и маску.

Отец стоял рядом и нервно мямл в пальцах стодолларовую купюру.

— Слушайте... — наклонился он к Сергею. — Когда поедете — выключите сирену хотя бы у дома. Гости... сами понимаете. Я компенсирую, без проблем.

Он попытался незаметно сунуть купюру Сергею в карман.

Сергей медленно повернул голову. Взгляд был тяжёлый, выжженный.

— Убери свои деньги. Твоя дочь сейчас задыхается, а ты о том, что подумают гости, беспокоишься?

Отец отдернул руку, как от огня.

Мать продолжала почти кричать:

— Почему вы так медленно?! Мы платим налоги, у вас должно быть всё самое лучшее! Я заплачу сколько скажете, только спасите её!

Ольга Викторовна ввела адреналин, плотно прижала маску. Девочка задышала чуть свободнее, но лицо оставалось чудовищно опухшим.

— На носилки. В машину. Быстро, — отчеканила Ольга Викторовна.

Когда они поднимали ребёнка, белоснежный ковёр окончательно испачкался грязью и каплями пота. Гости расступались, перешёптываясь. Аниматоры замерли с нелепо поднятыми руками.

Отец снова подскочил, уже у самых дверей:

— Хотя бы сирену не включайте прямо здесь... Это же день рождения...

Сергей остановился. Посмотрел ему в глаза в упор.

— Позор не в сирене. Позор в том, что ребёнок чуть не умер из-за твоего торта, а ты до сих пор думаешь, как бы не испортить картинку для Инстаграма.

Он щёлкнул тумблером.

Сирена взвыла ещё в доме — высокий, злой, надрывный вой разнёсся по особняку. Дети заплакали. Взрослые вздрогнули. Мать зарыдала в голос.

УАЗик стоял у самого крыльца. Девочку быстро загрузили. Ольга Викторовна осталась внутри, держа маску. Гриднев сел рядом.

Сергей захлопнул дверь и сел за руль. Отец выбежал следом:

— Мы поедem за вами!

— Не надо, — бросил Сергей в окно. — Просто не мешайте.

«Буханка» рванула с места, оставляя на идеальном асфальте грязные следы шин.

В зеркале Сергей видел, как красивый праздник начал трещать по швам: дети плакали, взрослые растерянно смотрели вслед старой скорой, а белоснежная беседка с золотыми шарами вдруг выглядела дешёвой декорацией.

В машине было душно и тяжело. Ольга Викторовна тихо, почти нежно говорила девочке:

— Дыши ровнее, солнышко... Мы уже едем. Держись.

Гриднев молча менял капельницу. Сергей вёл жёстко, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. В голове крутилась одна и та же мысль: «Золотые горы подарков, аниматоры, надувной замок... а ребёнок чуть не сдох из-за одного кусочка торта».

На выезде из посёлка их обогнал чёрный Mercedes G-класса — отец всё-таки решил ехать следом.

Сергей только криво усмехнулся и сильнее вдавил педаль газа.

Сирена выла не переставая — отчаянный, злой крик в раскалённом летнем воздухе. Кричала не только старая «буханка». Кричала вся эта красивая, дорогая, идеальная жизнь, в которой вдруг выяснилось, что деньги не спасают даже от собственной глупости.

Кость в горле

Вечер опустился на Воронеж тяжёлым влажным покрывалом. Жара ещё не ушла, она висела в воздухе густым, липким паром, от которого рубашка прилипла к спине, а дыхание становилось тяжёлым. В Боровом, где частные дома стояли среди сосен и старых заборов, уже зажглись редкие фонари, но свет от них тонул в душной полумгле.

В клинике остался Алексей. На выезд поехали только Максим и Илия. Так спешили, что забыли всё необходимое в клинике.

Через двадцать минут уже заезжали в Боровое, когда из-за поворота внезапно вылетел чёрный Prado и едва не влетел им в лоб. Илия резко ушёл на обочину, подняв тучу пыли и мелкого гравия.

Из джипа с трудом вышли двое выпивших мужчин и женщина. Один из мужчин держал на руках хрипящего белого шпица. Пёс задыхался, глаза были выпучены от ужаса. Из рта выходила розовая пена. Уже не лаял, а издавал хриплый, мокрый звук, как будто кто-то тянет ржавую пилу по мокрому картону

— Вы ветеринары?! Мы решили уже к вам ехать! Вы долго! Помогите!

Быстро поднявшись в многоэтажку. В квартире на двадцатом этаже Максим быстро осмотрел шпица.

— Кость глубоко в горле, впилась в слизистую. Попробую достать рукой.

Один из мужчин, крупный, с красным лицом, вдруг схватил кухонный нож и шагнул вперёд. Лезвие дрогнуло в его руке.

— Если что-то пойдёт не так — мы вас здесь зарежем, поняли?

В этот момент у Максима внутри что-то сорвалось. Вся ярость долгого дня, весь тяжёлый ком, который копился с утра, вырвался наружу.

Он сделал резкий шаг навстречу мужику с ножом. Глаза у него стали бешеные.

— Ты чё сказал? — голос Максима прозвучал низко и страшно. — Сам будешь доставать кость. А этот нож я тебе сейчас так глубоко в жопу засуну, что из глотки вытаскивать придётся. Понял меня, ублюдок?

От его дикого тона мужик невольно отступил. Нож в руке дрогнул.

Илия мгновенно встал вплотную к Максиму сбоку, прикрывая его.

В этот момент женщина тихо подошла сзади к Илии и приставила ему к спине второй нож.

— Да зарежем их... зарежем... — пробормотала она.

Илия даже не обернулся. Голос у него остался низким и жёстким:

— Убери нож. Быстро.

Женщина помедлила секунду, но под его тоном всё-таки опустила руку и отступила.

Максим, всё ещё кипя, повернулся к шпицу. Он запустил пальцы в пасть, нащупал кость и резко потянул. Раздался тихий хруст, кость была в руке. Но шпич обмяк.

Не говоря ни слова, Максим сразу начал реанимацию. Жёстко, отчаянно. Десять минут он качал маленькую грудную клетку, делал искусственное дыхание, проверял пульс. Пот заливал ему глаза. Руки дрожали от напряжения и остаточной ярости.

Илия молча собирал сумку, готовя быстрый отход, и продолжал держать в поле зрения всех троих.

Через десять минут Максим остановился. Он тяжело дышал, глядя на неподвижное тельце.

— Всё... — сказал он хрипло. — Не запускается. Мы её потеряли.

В руке у него была острая косточка с кусочком ткани. Он до сих пор не понимал, что именно вырвал.

Мужчина сначала замер, а потом его разорвало.

— НEEEEET!!! — завыл он страшно. — Моя девочка! Моя маленькая! Нет! Нет! Я без неё не могу!!! Я ради неё всё делал! Суки вы!!!

Он с размаху несколько раз ударился головой об косяк. Кровь потекла по лицу. С диким криком он бросился к окну и врезался головой в стекло. Стекло вылетело с треском. Кровь хлынула сильнее.

Он схватил нож и швырнул его в разбитое окно. Нож улетел вниз.

— Отпустите меня!!! Я без неё не могу!!! — орал он, пытаясь дотянуться до осколков.

Жена повисла на нём, крича и плача:

— Стой! Дети дома! Пожалуйста!

Илия крепко держал мужчину вместе с ней, не давая тому броситься вниз или порезаться.

Максим стоял в стороне, всё ещё сжимая косточку в кулаке. Ярость медленно уходила, оставляя после себя тяжёлую, пустую усталость.

— Нам нужно уходить, — сказал он глухо.

Они забрали сумку и быстро вышли из квартиры. Пока спускались в лифте, сверху всё ещё доносился дикий вой мужчины и плач женщины.

Уже в машине Максим долго молчал, глядя в окно. Вечернее солнце садилось за высотки, окрашивая небо в тяжёлый багровый цвет. В салоне стояла липкая, тяжёлая тишина.

Наконец он устало сказал:

— Илья, отвези меня домой. На сегодня с меня хватит.

Илия молча кивнул и повернул в сторону Левобережья.

Они ехали обратно через Боровое, потом на платку уже тихо и медленно. В машине никто не говорил. Внутри Максима звучал голос: «Теоретически можно было спасти, не забудь я инструменты и оборудование. Практически — ещё один клиент в мой маленький собачий крематорий.»

Только где-то далеко, за деревьями, ещё слышался слабый вой — то ли ветер, то ли всё ещё тот мужчина, который остался без своей маленькой собаки.

Ненужный свидетель

Ночь с субботы на воскресенье стояла сырая и тяжёлая, будто весь город накрыли мокрой простыней, пропитанной потом и перегаром. Дождь уже кончился, но воздух остался липким, холодным, словно старая тряпка, которой вытирали пол в забегаловке.

УАЗик медленно полз по Девятого января в глубь старого частного сектора, где пятиэтажки давно сменились покосившимися деревянными домами и обшарпанными «хрущёвками» с провалившимися подъездами. Под колёсами хрустел битый кирпич и стекло. В тёмных дворах тускло светились редкие окна.

Сергей вёл молча. Глаза были красные. В голове всё ещё стоял запах того полуподвала и белые безвольные пальцы пятилетнего мальчика. Рядом Ольга Викторовна смотрела в окно и курила прямо в салоне — впервые за все годы, что он её знал. Гриднев сзади молчал, крепко сжимая сумку, будто боялся, что она выскользнет.

Вызов пришёл странный: «Грудной ребёнок четырёх месяцев, длительно спит, не просыпается на кормление». Мать в трубку говорила заплетающимся языком, но очень уверенно: «Он просто устал, наверное... но вы всё равно приезжайте, а то вдруг что».

Машина свернула в тёмный двор. У подъезда стоял старый «жигуль» с разбитым задним стеклом, из открытого окна орал шансон. На лавочке сидели трое мужчин в трениках и старых куртках. Один держал бутылку водки, второй — банку пива. Третий громко смеялся, тыча пальцем в скорую.

— О, медицина приехала! Ща пацана оживлять будут!

Сергей заглушил двигатель. Сирену не включали — смысла не было.

Они поднялись на третий этаж. Дверь квартиры была приоткрыта. Изнутри валил тяжёлый дух перегара, табака, жареного лука и чего-то сладко-гнилого. В коридоре горела только одна лампочка без абажура. На полу валялись пустые бутылки, пакеты из-под чипсов и чья-то женская туфля на одном каблуке.

Из большой комнаты доносился громкий женский смех и мужской бас:

— Да ладно, Света, наливай ещё! Твой же день рождения!

Ольга Викторовна первой шагнула внутрь. Следом Гриднев, последним Сергей.

В большой комнате, на старом продавленном диване, сидела компания человек восемь. Стол был заставлен бутылками, тарелками с недоеденной селёдкой под шубой, колбасой и огурцами. В центре — именинница, женщина лет тридцати пяти, в растянутой майке и с размазанной тушью. Она держала пластиковый стакан и хохотала так, будто ничего веселее не происходило в её жизни.

— Ой, привет, доктора! — радостно заорала она, увидев бригаду. — Вы к моему сыночку? Он там, в спальне, спит как убитый! Не будите только, а то опять орать начнёт, маленький тиран!

Ольга Викторовна молча прошла в маленькую комнату напротив.

Там, в деревянной кровати с облезшей краской, лежал младенец. Четыре месяца. Лицо восковое, губы синюшные. Грудная клетка почти не двигалась. Кожа была холодной и влажной на ощупь.

Ольга Викторовна мгновенно опустилась на колени, сорвала одеяльце.

— Апноэ. Цианоз. Пульс нитевидный. Гриднев — кислород, монитор! Серёга — мешок Амбу!

Сергей быстро взял мешок и встал рядом. Каждый вдох, который он осторожно вдвух в крошечные лёгкие, отдавался в его собственной груди тяжёлым, давящим чувством. В ушах стоял смех из соседней комнаты.

— ...а он мне: «Света, я тебя люблю!» А я ему: «Любишь? Тогда иди прочь со своей зарплатой!» — новый взрыв хохота.

Гриднев уже ставил катетер в крошечную вену на голове ребёнка. Руки у него заметно дрожали.

— Давление не определяется. Частота дыхания — четыре в минуту, — ровным, ледяным голосом говорила Ольга Викторовна. — Адреналин внутривенно. Готовь интубацию, тонус нулевой.

Сергей продолжал сжимать мешок Амбу. Внутри него медленно поднималась тяжёлая, чёрная волна. Он представлял, как берёт эту женщину за волосы и бьёт лицом об стол до тех пор, пока она не замолчит навсегда. Но руки работали ровно, без остановки.

Мать ребёнка появилась в дверном проёме, покачиваясь и держась за косяк. В руке — новый стакан.

— Ну чё там с ним? Просто спит долго, да? Я ему в смесь немножко валерьянки плеснула... и коньячку чуть-чуть, чтоб не вопил всю ночь. Он же вчера не давал мне глаз сомкнуть, сволочь мелкая. А у меня день рождения раз в году... Я имею право отдохнуть?

Ольга Викторовна даже не повернула головы:

— Вы ему что именно дали?

— Да так... самую малость. Для спокойствия. Он же не помрёт от этого, правда? Вы же доктора, спасёте... Я просто хотела нормально посидеть один раз.

Гриднев ввёл адреналин. Ребёнок вдруг дёрнулся раз, другой. Пошёл редкий, судорожный вдох.

— Есть дыхание! — резко сказала Ольга Викторовна. — Адреналин ещё раз. Гриднев, преднизолон и фенobarбитал — судороги могут начаться.

Из большой комнаты снова заорали под гитару старую блатную песню. Кто-то фальшиво подпевал.

Мать захлопала в ладоши и пьяно улыбнулась:

— Правильно! А то я уже думала — сдам его куда-нибудь. Спать не даёт, жрёт как не в себя... Маленький паразит.

Ольга Викторовна медленно поднялась с колен. Лицо её было белым, как у того мальчика в ноябре. Она посмотрела на мать долгим, тяжёлым взглядом.

— Мы забираем ребёнка. Немедленно. Вы поедете с нами.

— Да ладно вам! — махнула рукой женщина. — Он же уже дышит. Оставьте его, я сама управлюсь...

Сергей шагнул ближе. Голос прозвучал низко и тяжело:

— Если ты сейчас же не замолчишь и не дашь нам работать — я позабочусь, чтобы тебя забрали за покушение на убийство собственного ребёнка. Поняла?

Женщина наконец-то вздрогнула. Стакан выпал из её руки и разбился о пол.

В большой комнате продолжали пить и петь, будто ничего не произошло.

Бригада быстро запеленала ребёнка в плед. Маленькое тельце казалось почти невесомым. Ольга Викторовна шла первой, держа маску. Гриднев нёс капельницу. Сергей замыкал, придерживая головку.

Когда они проходили через большую комнату, компания на секунду замолчала. Потом кто-то пьяно выкрикнул:

— О, пацана забирают! Света, ты теперь свободная!

Смех снова взорвался, ещё громче прежнего.

Сергей шёл последним. В груди kloкотало. «Они тут празднуют, — думал он, глядя на красные рожи и заставленный бутылками стол. — А в соседней комнате только что умирал четырёхмесячный ребёнок, потому что матери захотелось выпить. Маленький паразит, сказала она. Паразит».

Он остановился на пороге. Посмотрел на стол, заставленный бутылками, на красные пьяные лица. Потом тихо, но так, чтобы услышали все, кто был рядом, сказал:

— Вы все — свидетели. Запомните этот вечер. Потому что когда вас самих будут откачивать — никто не приедет.

Он вышел, не дожидаясь ответа.

В машине Ольга Викторовна уже работала над ребёнком. Гриднев держал монитор. Сергей сел за руль, включил сирену и резко рванул с места. Колёса разбросали грязь и битое стекло.

В зеркале заднего вида он ещё секунду видел освещённые окна квартиры. Там снова заиграла музыка. Праздник продолжался.

Ребёнок на носилках тихо, едва слышно дышал под маской. Четыре месяца. Четыре месяца жизни, которые чуть не закончились из-за того, что матери захотелось «нормально отдохнуть» в свой день рождения.

Сергей сильнее вдавил педаль газа.

Сирена выла над ночным Воронежем — высокий, злой, одинокий вой.

Три операции

Утро в клинике «Коржающий Корги» выдалось светлым и ярким. Солнце ещё не поднялось высоко, но уже осветило все помещения клиники. Правда воздух уже стоял неподвижный, густой, пропитанный запахом мокрой шерсти, дезинфекции и тихого скуления из стационара. За окном едва слышно шумели сосны, но даже они казались уставшими от жары.

Максим только поставил кофе на стол, когда дверь распахнулась с резким стуком.

Вошла женщина лет сорока. Лицо серое, глаза красные от слёз. На руках она держала рыжего трёхлетнего кота. Когда-то крупный и добрый, сейчас он едва дышал, а из его тела торчало что-то страшное и мокрое.

— Пожалуйста... помогите... Он пришёл домой сам... в таком виде...

Максим взял кота и сразу всё понял.

Задница была разорвана огромной дырой. Одно яичко висело на тонкой нитке семенного канатика и сосуда, второе полностью отрезано. Член был оторван от уретры — вместо него зияла кровавая рана. Внизу живота ещё одна глубокая дыра, из которой торчали грязные петли кишок.

Рыжий кот тихо мяукнул — слабо, будто извинялся за беспокойство.

Максим молча понёс его в операционную.

— Уретростомия, — коротко бросил он. — Делаем девочку. Илия, мой руки. Лёша, готовь инструменты.

Операция была тяжёлой. Максим работал быстро и жёстко, почти не поднимая головы.

Минут через тридцать дверь с грохотом распахнулась.

Влетел мужчина в полицейской форме, весь в грязи и крови. На руках — серая беременная кошка. Задняя лапа висела под неестественным углом — открытый перелом.

— Я случайно своей машиной... Она выскочила... Она же рожает скоро! Помогите!

Максим даже не поднял головы, продолжая работать над рыжим:

— Илия, бери. Кесарево плюс остеосинтез. Лёша — ассистируешь. Котят спасай. А я доделаю рыжего.

Следующие два с половиной часа операционная работала как конвейер. Максим закончил с рыжим. Илия успешно сделал кесарево и остеосинтез. Все выжили — и кот, и кошка, и трое котят.

Полицейский молча курил на лестнице клиники, затем ходил кругами на улице, потом сидел на пуфике, не находя себе места.

Когда операции закончились, полицейский забрал свою серую кошку с котятами, заплатил и ушёл, тихо поблагодарив.

Вечером того же дня в клинику пришли хозяева рыжего кота — мужчина и женщина.

Женщина сразу ткнула пальцем в клетку:

— Это он? Забираем.

Максим открыл клетку. Женщина небрежно схватила рыжего кота в попоне. Передав своему мужу.

Хозяин скривился, разглядывая его с явным отвращением:

— А это что ещё за безобразие? Почему он теперь как кошка? Вы его полностью изуродовали?

Максим ответил ровно, но внутри у него медленно поднималась тяжёлая, холодная ярость:

— Мы спасли ему жизнь. У него была полностью оторвана уретра и разорвана задница. Пришлось делать уретростомию. Об этом мы вам сообщили сразу.

Хозяин ответил нервно:

— Да на кой он нам теперь такой? Жена мне ничего не сказала, о чём вы там договорились сделать. Могли бы к нормальным ветеринарам ещё сходить, узнать адекватное мнение, а не пол менять. Он раньше котят приносил, почётный жених, а теперь будет просто так жрать? Нам нормальный кот был нужен, а не это недоразумение.

Мужчина кивнул и резко поставил кота обратно в клетку:

— Короче, мы его не забираем. И платить тоже не будем, напишем везде плохие отзывы и пожалуемся в прокуратуру. Оставляйте себе эту «девочку».

Они развернулись и пошли к двери.

Максим спокойно сказал им вслед:

— Тогда мы вызываем полицию. Вы отказываетесь оплачивать оказанную медицинскую помощь и бросаете своего кота.

Мужчина остановился, зло сплюнул на пол и бросил через плечо:

— Вызывайте кого хотите!

Через полчаса в клинику приехал тот самый полицейский, который утром привозил свою кошку.

Выслушав коротко ситуацию, он посмотрел тяжёлым взглядом, взял телефон и позвонил хозяевам кота. Начал свою речь сказал спокойно, но твёрдо:

— Вам звонит полиция, лейтенант Бокертов. Значит так. Вы сейчас оплачиваете лечение кота в полном объёме и забираете кота, либо, если он вам так не нужен, я его забираю себе, но платить будете всё равно. Но если вы откажетесь платить — я возьму официальные показания у врачей, и уже вас будут судить по 245 и 782 статье, за жестокое обращение с животным и отказ от оплаты уже выполненных услуг. Выбирайте.

— Через пятнадцать минут мы приедем, а пока подумаем.

Через двадцать минут хозяева кота вновь приехали в клинику.

Хозяин кота несколько секунд буравил полицейского глазами, лицо наливалось кровью. Женщина начала тихо шипеть что-то себе под нос.

— Да вы совсем совесть потеряли! — наконец выдал мужчина. — Мы его жизнь спасти не просили! Он нам теперь на хрен не сдался!

Полицейский даже не моргнул:

— Выбор сделан?

Мужчина злобно выругался, полез в карман, достал деньги и с размаху швырнул их в голову Илии. Купюры разлетелись по клинике.

— Подавитесь вы все! Кота засуньте себе... Куда подальше!

Побоявшись сказать грубее, при полицейском, выпалил хозяин кота.

Женщина добавила сквозь зубы, уже у самой двери:

— Чтоб вам всем так мать спасли! А вас так же прооперировали!

Они развернулись и с громким хлопком двери ушли, оставив кота в клинике.

Полицейский покачал головой, потом посмотрел на ветеринаров:

— Я заберу кота, если вы не против. У меня теперь будет двое взрослых и трое котят. Место есть.

Илия кивнул:

— Хорошо. Он уже стабилен. Слушайте внимательно. Вот схема. Рыжему — уколы по этому листу два раза в день, капельницы ещё три дня. Обработка швов каждый день. Если что-то пойдёт не так — сразу звоните.

Полицейский аккуратно взял переноску с рыжим котом.

— Спасибо, ребята. Я этого не забуду. Если понадобится помощь — звоните в любое время.

Когда он ушёл, Максим налил себе кофе, посмотрел в окно и тихо сказал:

— Иногда даже в этом дерьме находится хоть кто-то нормальный. Редко. Но бывает.

Илия только хмыкнул:

— Вай мэ... один кот стал девочкой, трое котят родились, полицейский забрал рыжего и ещё заставил тех уродов заплатить. .

Алексей молча гладил белого голубоглазого львиноголового кролика, жившего талисманом в клинике. На его лице впервые за долгое время появилась слабая, но настоящая улыбка.

А вечером того же дня в интернете появился отзыв.

«Ужасная ветклиника "Коржающий Корги"! Привезли кота после тяжёлой травмы, врачи сделали какую-то непонятную операцию, превратили нормального кота в "девочку", а потом начали требовать огромные деньги. Когда мы отказались от такого "результата", они вызвали полицию и угрожали нам судом! Это настоящие убийцы и вымогатели! Никому не рекомендую! Они калечат животных ради денег!»

Под отзывом уже набирались комментарии: «ужас», «надо жаловаться», «бойкот этой клинике».

Максим долго смотрел на экран телефона, потом молча положил его экраном вниз.

Илия только хмыкнул:

— Как всегда. Спасли — значит убийцы. Не спасли — тоже убийцы.

Максим ничего не ответил. Просто допил остывший кофе и пошёл готовить инструменты к следующему дню.

Маленький старик

Вечер опустился на старый район за Московским проспектом серой, тяжёлой пеленой. Дома здесь стояли ещё советские — серые, с облезлыми стенами и тёмными подъездами, в которых всегда пахло мочой и старым мусором. Фонари горели тускло, будто им самим было лень светить.

Вызов пришёл в половине одиннадцатого. «Подросток тринадцать лет, попытка суицида, множественные порезы, в сознании, но отказывается разговаривать».

УАЗик медленно полз по узкой улице. Сергей вёл молча. За последние месяцы он уже привык, что самые тяжёлые вызовы приходят именно ночью.

Ольга Викторовна сидела сзади, Гриднев рядом с ней проверял сумку. Никто не разговаривал.

Подъезд был обычный. Воняло мочой и старым мусором. Дверь в квартиру была приоткрыта. Изнутри доносился тихий женский плач.

Они вошли.

На кухне сидела мать — женщина лет сорока пяти, с опухшим от слёз лицом. Она только повторяла одними и теми же словами:

— Я не знаю... я не знаю, как это случилось...

В комнате, на узкой кровати, сидел мальчик. Тринадцать лет. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами. На запястьях и предплечьях — свежие, ещё кровоточащие порезы. Он смотрел в одну точку на стене и почти не реагировал на вошедших.

Ольга Викторовна опустилась на корточки рядом с кроватью.

— Привет... Меня зовут Ольга Викторовна. Мы из скорой. Можно я посмотрю твои руки?

Мальчик медленно перевёл на неё взгляд. Глаза были старые. Совсем не детские. В них не было ни страха, ни истерики — только глубокая, выжженная усталость.

— Мир нереальный, — тихо сказал он вдруг. Голос был ровный, почти без интонации. — Я это давно понял. Всё вокруг — декорации. Люди — актёры. А я... я просто застрял в этой постановке. И никак не могу выйти.

Ольга Викторовна осторожно взяла его руку, начала обрабатывать порезы.

— Почему ты так думаешь? — спросила она мягко.

Мальчик посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что нормальные люди так не живут. Нормальные дети не просыпаются каждое утро и не думают, как бы сегодня не умереть. А я думаю. Каждый день. Уже третий год.

Сергей стоял в дверях и молча слушал. В груди медленно поднималось тяжёлое, давящее чувство. Он вдруг подумал, что этот мальчик говорит так, будто уже прожил целую жизнь и устал от неё.

— Меня зовут Артём, — тихо продолжил мальчик. — Хотя какая разница... Имена тоже ненастоящие.

Пока Ольга Викторовна и Гриднев оказывали помощь, Сергей вышел на улицу покурить. Ночь была холодная, но тихая. Он встал у подъезда, щёлкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

Через минуту из соседнего подъезда вышли трое подростков. Лет по четырнадцать-пятнадцать. Обычные. В капюшонах, с вейпами в руках. Один что-то рассказывал, остальные ржали.

— ...а он опять начал ныть, типа «оставьте меня в покое». Мы ему просто сказали правду — что он лох и никто с ним дружить не будет. А он сразу в слезы. Смешно, блин.

— Завтра опять его подловим после уроков, — добавил второй, выпуская густое облако сладкого пара. — Может, хоть тогда мозги включит. Или вообще повесится, будет меньше ныть.

Они прошли мимо Сергея, даже не посмотрев в его сторону. Смеялись. Шутили. Для них это было просто развлечение.

Сергей стоял неподвижно, с сигаретой в руке. Он смотрел им вслед и чувствовал, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел.

Обычные дети. Смеются. Курят вейпы. Не понимают — или не хотят понимать, — что только что чуть не убили человека. Не специально. Просто так. Потому что «смешно».

Банальность зла. Самая страшная его форма.

Он докурил сигарету до фильтра, бросил окуроч в лужу и вернулся в подъезд.

В квартире мальчика уже готовили к транспортировке. Артём лежал на носилках, смотрел в потолок и тихо говорил:

— Если этот мир ненастоящий... то и боль ненастоящая. Значит, можно выключить. Почему тогда так больно?

Ольга Викторовна осторожно поправила кислородную маску.

— Мы едем в больницу. Там тебе помогут. Обещаю.

Мальчик медленно повернул голову и посмотрел на неё своими древними глазами:

— Помогут... А потом я вернусь домой. И всё начнётся заново. Потому что они никуда не денутся. А я останусь.

Когда они спускались по лестнице, Артём вдруг тихо сказал, почти шёпотом:

— Я не хочу быть маленьким стариком. Но я уже им стал.

Сергей помог поднять носилки в машину. Включил сирену. Высокий, надрывный вой разрезал ночную тишину.

Пока они ехали в больницу, Сергей смотрел на дорогу сквозь разводы на стекле и думал об одном и том же.

Три обычных подростка с вейпами. Один маленький старик на носилках.

И между ними — целая пропасть, которую никто никогда не заметит.

А мир продолжит притворяться, что всё в порядке.

Жировой парик эпохи барокко

День в клинике «Коржающий Корги» выдался тяжёлым и влажным. За окном висела плотная серая пелена, из которой медленно сыпался мелкий, липкий дождь. В воздухе стоял запах мокрой шерсти, дезинфекции и чего-то кислого — запах усталости и чужого горя.

В тот день в клинику позвонил растерянный мужчина.

— Пожалуйста, помогите... У меня пропала собака. Колли, мальчик, восемь лет. Мы уже везде искали... Везде...

— Хорошо, чем сможем, тем поможем. Сказал Максим.

Через два дня позвонили хозяину: собаку нашли, звоните в полицию, её у вас украли.

История вышла мерзкой даже по меркам ветеринарии.

Две женщины средних лет увидели колли редкого цвета, который без поводка сидел на старом кладбище у могилы умершей хозяйки. Пёс приходил туда почти каждый день и подолгу сидел молча, будто ждал.

Женщины решили, что собака «беспризорная». Схватили её, запихнули в машину и увезли. План был «гуманный»: кастрировать, «чтобы не мучился», и оставить у себя. С данным планом они пришли в «Коржающий корги». Их записали через пару недель, взяв все данные для полиции и владельца.

Владелец колли — мужчина, потерявший жену два года назад — поднял всех на ноги. Через полицию собаку вернули. Колли, увидев хозяина, просто прижался к нему всем телом и не отпускал несколько минут. Молча. Как взрослый человек.

А через месяц в клинику позвонили те самые две женщины.

— Нам нужно провакцинировать наших собачек. Можно записаться?

Когда они пришли, в клинике на несколько секунд повисла тяжёлая тишина.

На поводках стояли два огромных, заплывших жиром существа. Лабрадоры. Точнее — то, что от них осталось.

Жир висел тяжёлыми складками, как барочные шторы. Шеи исчезли. Головы утопали в жировых «воротниках», из которых едва выглядывали маленькие заплывшие глазки. Животы волочились по полу. Лапы дрожали под собственным весом. От собак тяжёло пахло застоявшейся мочой, старым кормом и чем-то кислым.

Квартира у женщин, судя по всему, принадлежала только собакам. Там орали, срали, жрали и спали. Хозяек это не беспокоило.

Одна из женщин, та, что постарше, гордо заявила:

— Мы их правильно кормим! Они у нас счастливые! А помните мы приходили с колли, его у нас забрали, ещё и с полицией. Мы ему хотели только добра...

Максим молча осматривал двух чудовищ. Когда пришло время делать уколы, собаки даже не пытались сопротивляться. Они просто стояли, тяжело сопя, пока им вводили вакцину. Тела дрожали от напряжения, жир колыхался при каждом движении.

Илия тихо выругался по-грузински.

Алексей отвернулся и вышел из кабинета.

Когда женщины наконец ушли, Максим долго стоял у окна, глядя на улицу, где дождь всё так же сыпался мелко и упрямо.

— Знаете, что самое страшное? — сказал он наконец. — Они искренне считают, что делают добро. И тому колли они тоже «добро» хотели сделать. Кастрировать и забрать себе.

Илия закурил прямо в кабинете.

— Иногда лучше уж откровенная жестокость. Хотя бы понятно, с кем имеешь дело.

Алексей вернулся и тихо сказал:

— А эти двое будут и дальше «спасать» собак. И превращать их вот в это.

Максим закрыл карточку и устало выдохнул:

— И самое поганое — они никогда не поймут, что натворили. Для них мы — злодеи, которые отобрали у них «бедного пёсика».

Он посмотрел на дверь, за которой только что скрылись два заплывших жиром тела, и добавил почти шёпотом:

— А тот колли до сих пор каждый день ходит на могилу. И сидит там. Молча.

В клинике стало очень тихо.

Только где-то в стационаре тихо скулил очередной спасённый пациент.

Ошибка системы

Ноябрь лез под кожу мокрым, липким холодом, от которого не спасала даже тёплая куртка. Туман стоял такой густой, что фонари казались размытыми жёлтыми пятнами, а дома вдоль Девятого января тонули в серой пелене, словно старые корабли в холодном море.

УАЗик полз по улице тяжело, с надрывом старой подвески, переваливаясь на каждой колдобине. Дворники размазывали по стеклу серую кашу из снега с дождём, и весь мир за лобовым стеклом превращался в размытое, безнадёжное пятно.

За рулём сидел Сергей. Сорок два года. Двадцать из них — на детской. Глаза красные от постоянного недосыпа, руки крепко сжимали баранку, будто держали не руль, а последнюю нитку, ещё связывающую его с этим миром.

Сзади молчала бригада. Ольга Викторовна смотрела в боковое стекло, лицо застывшее, будто выточенное из усталости. Рядом Гриднев, ещё не до конца сломанный, но уже чувствовавший, как сырость этой ночи просачивается под кожу.

Вызов пришёл тяжёлый. Семилетний мальчик. Рвота желчью, живот твёрдый, как доска, температура под сорок. Мать в трубку почти кричала.

Когда они вошли в квартиру, Кирюша лежал на полу в коридоре, подтянув колени к груди. Лицо серое, губы сухие. Он уже почти не стонал — только тяжело, часто дышал.

Ольга Викторовна опустилась рядом на корточки, провела рукой по животу и сразу подняла глаза на Сергея. Голос был тихий, но твёрдый:

— Перитонит. Перфорация. Нужна операция прямо сейчас.

Они работали быстро, почти без слов. Обезболивание, венфлон, кислород. Пока спускали носилки по узкой лестнице, мальчик вдруг тихо спросил:

— Мама... мы уже едем в больницу?

— Едем, солнышко, — ответила Ольга Викторовна, не отводя взгляда от его лица. — Держись.

В машине она сразу посмотрела на монитор и сказала жёстко, без колебаний:

— Серёга, в «Сосновый». Там современная детская хирургия. Семь минут.

Сергей уже разворачивал машину.

Не прошло и минуты, как в трубке раздался голос диспетчера — ровный, усталый, совершенно безжизненный:

— Бригада семнадцать, куда следуете?

— В клинику «Сосновый», — ответила Ольга Викторовна. — У ребёнка разлитой перитонит. Нужна срочная операция.

Пауза. Потом диспетчер так же спокойно:

— Не положено. С этого года все детские вызовы — только в государственные учреждения. Везите в областную детскую.

Ольга Викторовна на секунду закрыла глаза.

— Вы понимаете, что у него уже перитонит? Мы потеряем сорок минут минимум.

— Понимаю, — ответила диспетчер всё тем же ровным голосом. — Но у меня приказ главного. Если повезёте в частную — будет служебное расследование на всю бригаду. Включая водителя. Решайте.

Сергей почувствовал, как внутри всё сжалось в тугую узел.

Ольга Викторовна посмотрела на мальчика. Кирюша дышал часто и поверхностно, глаза были полуприкрыты.

— Разворачивайся... — тихо сказала она. — На Московский. В областную.

УАЗик резко ушёл в разворот. Сирена взвыла высоко и отчаянно.

На Московском уже стояла плотная ночная пробка. Машины расступались медленно, неохотно. Некоторые вообще не реагировали — просто ехали дальше под громкую музыку.

В 00:19 давление у Кирюши упало до критического. Сатурация начала быстро проседать.

В 00:26 мальчик перестал отвечать. Глаза закатились.

Ольга Викторовна сорвалась:

— Серёга, газ в пол, но не как картошку! Гриднев — адреналин, готовь трубку!

Они начали реанимацию прямо в тесном салоне. Сергей гнал между двумя рядами, выскочил под автобус и дёрнул ручник на долю секунды. Прошли в полуметре. Капли пота сразу потекли за воротник.

Ольга Викторовна качала грудную клетку жёстко, яростно, но аккуратно, чтоб не сломать. Гриднев колол препараты дрожащими руками. В трубке снова раздался голос диспетчера:

— Бригада семнадцать, заполните форму 003/у. Пункт четырнадцать-б — обоснование выбора маршрута...

Никто не ответил.

Сергей на секунду посмотрел назад, и увидел, как Ольга Викторовна борется за каждый удар сердца. В двадцати метрах впереди ярко светилась новая ветеринарная клиника «Коржающий Корги». Белые буквы горели чисто и спокойно. Из дверей как раз выходил человек в белом халате, провожая хозяина с собакой на руках.

Семь минут. Всего семь минут отделяли их от той клиники.

Они боролись двадцать одну минуту.

В 00:47 УАЗик наконец подлетел к пандусу областной детской больницы. Кирюша был ещё жив — но едва. Пульс нитевидный, давление почти не определялось.

Его буквально вырвали из машины и понесли внутрь. Ольга Викторовна побежала рядом, продолжая держать маску. Сергей и Гриднев остались у машины.

Через три часа вышел хирург — молодой, уставший, в заляпанном халате. Бригада скорой как раз только закончила следующие три вызова.

— Живой, — сказал он тихо. — Еле спасли. Перфорация была, перитонит разлитой. Ещё десять минут — и не вытащили бы. Сейчас в тяжёлой, но стабильной. Операция прошла успешно.

Ольга Викторовна стояла, прислонившись спиной к холодной стене приёмного отделения. По её лицу текли слёзы, она даже не вытирала их. Просто стояла и смотрела в одну точку.

Сергей молча курил под козырьком. Рядом Гриднев сидел на мокром бордюре, опустив голову.

Через дорогу продолжала светиться ветклиника. Чистая, тёплая, современная. Там, наверное, в этот момент кому-то спокойно ставили капельницу или делали УЗИ.

Сергей смотрел на эти огни и думал об одном и том же.

Они спасли мальчика. Но спасли его не благодаря системе. А вопреки ей.

Ольга Викторовна подошла ближе. Голос у неё был хриплый, почти шёпот:

— Если бы мы поехали в «Сосновый»... он бы уже лежал в палате после операции. А мы... двадцать минут реанимации в машине. Двадцать минут.

Сергей кивнул и медленно выпустил дым.

— Сегодня система его не убила. Просто очень старалась.

Он посмотрел на старый грязный УАЗик, на мигалки, которые теперь молчали, и добавил тихо:

— А мы опять остались крайними. И завтра опять будем возить по тем же правилам.

Дождь шуршал по козырьку. Где-то внутри больницы семилетний Кирюша боролся за каждый вдох под яркими лампами реанимации.

Он выжил.

На самом тоненьком.

Но эта тонкая ниточка теперь будет сниться всей бригаде ещё очень долго.

Зажатый нерв

Декабрь пришёл в Воронеж сухим и колючим. Мороз стоял небольшой, но пробирал до костей, заставляя щуриться и прятать руки в карманы. Тёмно-серый Seat Leon медленно полз по узким улочкам частного сектора за Чижовским плацдармом. Здесь, недалеко от Вогрэсовского моста, ещё сохранились старые деревянные дома с покосившимися заборами, засыпанные снегом огороды и тяжёлый запах печного дыма, который висел в холодном воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.